

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

О. Н. Яницкий

Транснационализация
гражданского общества:
на примере неправительственных
экологических организаций
в трех постсоветских странах

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Yanitsky_1999_n1x2c2.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ МИРАЖИ**ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА:****на примере неправительственных экологических
организаций в трех постсоветских странах****О.Н. Яницкий**

Статья представляет собой попытку теоретического осмысления процессов выхода еще только формирующегося гражданского общества за пределы национальных границ. В отличие от процессов транснационализации экономической и политической сфер, которые постоянно находятся в фокусе исследовательского интереса экономических и социальных наук, интересующий нас процесс практически не изучался российской социологией. Между тем, начиная с рубежа 80-90-х годов, процесс транснационализации деятельности общественных групп и организаций интенсивно идет на всем постсоветском пространстве, но особенно — на европейской части бывшего СССР.

Предлагаемая Вашему вниманию статья основана на анализе архивных материалов, собранных автором в течение последних 15 лет, включая вторичный анализ данных социологических исследований 1989-1998 гг., посвященных динамике экологических движений и групп в СССР/России. Кроме того, в течение 1998-1999 гг. автором было проведено социологическое исследование процессов транснационализации неправительственных экологических организаций (далее экоНПО) в России, на Украине и в Эстонии.*

Выбор экологических и ряда связанных с ними организаций в качестве объекта исследования объясняется не только многолетним интересом автора к данной проблематике. Экологические процессы и связанные с ними проблемы трансграничны по своей сути. Следовательно, и организации, ими занимающиеся, не могут замкнуть свою деятельность рамками государственных размежеваний. Формирование институтов гражданского общества на всем пространстве бывшего СССР неразрывно связано с активностью экологических инициатив и движений. Эти организации представляли собой авангард и питательную среду для возникновения многих других неправительственных организаций. Наконец, экологические, благотворительные и некоторые другие виды общественных организаций стали объектом политики насаждения «семян демократии», целенаправленно реа-

* Исследование выполнено при поддержке Института «Открытое общество», грант 41/1997.

лизуемой Западом на всем постсоветском пространстве. Эта политика осуществляется западными государствами и их неправительственными организациями непосредственно или через международные организации и фонды.

Методология

Общества, вступившие на путь современной (поздней, зрелой) модернизации, строго говоря, уже не являются целостностями, едиными социальными субъектами. Они представляют собой совокупность коллективных социальных акторов (организаций, общностей, групп), интересы и действия которых все чаще выходят за пределы национальных границ. Но и внутри социального пространства каждой отдельной страны разные акторы уже давно «движутся» в разных направлениях. Поэтому часто задаваемые вопросы типа «Куда идет Россия?» (Украина, Белоруссия) не вполне правомерны. С методологической точки зрения, суть переходного периода состоит в постепенном отходе российского и других обществ от единой («советской») парадигмы и принятии мультипарадигмального взгляда на перспективы его развития. Поэтому изучение процессов формирования реальных социальных акторов и солидарностей, их размежеваний и объединений, в том числе в транснациональном и глобальном масштабе, может дать для понимания социальной динамики России и других постсоветских обществ гораздо больше, чем поиски унифицированного «транзитивного» сценария.

Другими методологическими предпосылками транснационального социологического анализа являются, как минимум, три момента. *Во-первых*, феномен глобализации (или европеизации), требующий рассмотрения многих проблем «переходных» обществ в контексте событий и силовых линий, находящихся за пределами контроля национальных акторов. *Во-вторых*, это понимание социальных движений переходного периода не только как агентов социальных изменений, но и как «сред», поддерживающих жизнедеятельность входящих в него групп. *В-третьих*, интерпретация российской и других «переходных» обществ ситуации в терминах концепции «общества риска» (1; 2; 3). Методологически это означает, что динамика транснациональных экологических неправительственных организаций (далее — трансНПО) должна анализироваться не только в контексте глобальных биосферных процессов и трансграничных техногенных катастроф, но рисков и опасностей, порождаемых «переходными» обществами как таковыми (3; 4, с.9-35). Результатом этих опасностей явилось формирование транснациональных «риск-солидарностей», то есть сообществ, созданных с целью избежания названных рисков или, по крайней мере, смягчения их последствий для своих членов.

Иными словами, я склоняюсь к исторической интерпретации рассматриваемого явления: возникновение и развитие трансНПО является следствием воздействия на национальные НПО изменяющегося макро-социального контекста. Какими бы локальными ни были их задачи, в конечном счете их развитие будет носить транснациональный характер. Вместе с тем, транснационализация этих организаций есть результат их собственной рефлексии по поводу изменяющегося контекста, как национального так и глобального.

Специфика формирования и динамики изучаемых организаций обусловлена тем обстоятельством, что их становление происходило одновременно на фоне мощных интеграционных процессов глобального или континентального порядка (как, например, формирование Европейского Союза) и революционно изменявшихся национальных контекстов. К тому же, в странах Европы и Северной Америки транснационализация экоНПО шла уже почти столетие, причем последние полвека в условиях динамичного, но стабильного в своей основе экономического и политического контекста.

В анализе процессов транснационализации я буду опираться на концепцию мобилизации ресурсов (5; 6, с.56-89), адаптированную мною к процессам воспроизводства российского экологического движения (7, с.22-33). В периоды глубоких кризисов общества, ломки сложившихся общностей и солидарностей, важными носителями социальных идентичностей являются социальные движения и общественные организации, причем их защитная (для своих членов) функция резко усиливается. Как властно, так и идентично ориентированные, они могут существовать достаточно долго только при условии мобилизации ресурсов и сил поддержки далеко за пределами тех мест, где эти движения возникли. Мобилизация ресурсов — как основной мотор любого общественного движения — имеет принципиально экстерриториальный характер, потому что ресурсы берутся там, где их можно взять, а не там, где данная организация или движение были сформированы.

Процессы транснационализации активности рассматриваемых коллективных акторов детерминируются господствующей в обществе социальной парадигмой (ее можно также назвать доминирующим взглядом на мир или «мастер-фреймом»), то есть некоторой общекультурной рамкой, при помощи которой данный социальный актор определяет свое отношение к окружающей действительности (8). Чем больше ценности и цели некоторого социального движения отличаются от доминирующего в данном обществе взгляда на мир, тем активнее это движение вынуждено искать ресурсы и союзников за пределами государственных границ. Напротив, если доминирующие социальные парадигмы общества и движения сближаются, то между ними начинается взаимное притяжение.

Заметим далее, что «нормализация» социальных движений, то есть их институционализация, превращение в совокупность легитимных социальных организаций, также носит внелокальный характер. Более того, переходный период отмечен формированием межинституциональных структур, которые, являясь формой социальной модернизации, имеют весьма причудливую пространственную конфигурацию. Сегодня подобная «нормализация» имеет форму многоуровневых социальных сетей, соединяющих неправительственные организации, действующие на локальном, межрегиональном и международном уровнях.

Дадим некоторые пояснения относительно специфики транснациональных экосолидарностей в условиях «общества риска». Почему я говорю именно о нем, а не о привычных для российского уха авариях, катастрофах и, соответственно, о концепции «экологической безопасности»? Аварии и катастрофы суть лишь частные и видимые проявления функционирования общества риска, а концепция экологической безопасности — те или иные системы мер по борьбе с их последствиями.

О.Н.ЯНИЦКИЙ
Транснационализация гражданского общества

Однако сегодня производство рисков — это прежде всего следствие решений экономических, политических и социальных. Сотен и тысяч решений, принимаемых ежедневно на самых различных уровнях социальной иерархии. Риски это не сбой, не побочный эффект или теневая сторона общественного производства. Как показали У. Бек, А. Гидденс и другие создатели этой концепции, современное общество легитимно и во всевозрастающих масштабах производит не только блага, т.е. материальные и духовные ценности, но и риски, то есть опасности для жизни человека и природы. Производство рисков — это тоже общественное производство, с тем лишь отличием, что оно подчинено как социальным, так и экологическим (биосферным) законам.

Соответственно, социальные движения и другие солидарные действия можно разделить на две большие типологические группы. Ту, которая стремится к приумножению благ и их справедливому распределению (типичный пример — рабочее движение XIX века), и ту, которая борется за выживание, за уменьшение рисков, за сохранение среды своего обитания. Исторически и логически, появление экологического движения как нового коллективного актора связано именно со вторым из обозначенных выше видов общественного производства, так как это движение имело своей главной целью защиту человека и природы от производимых обществом рисков. В основе экосолидарностей лежат разные уровни осознания людьми угрожающих им опасностей и рисков. Экологическая озабоченность граждан, экологическое движение и соответствующая политика суть разные формы *риск-рефлексии*.

В данном контексте экологическое движение и порождаемые им формы солидарного действия могут трактоваться как риск-рефлексия, причем рефлексия весьма специфическая. Двойственный характер этих солидарностей отражает ту переходную стадию в производстве рисков, в которой мы сегодня находимся. С одной стороны, современные риски, порожденные высокими технологиями, пространственно нелокализуемы, их последствия некалькулируемы и некомпенсируемы традиционными способами, а персональная или даже групповая ответственность за нанесенный ущерб не может быть определена. Рефлексия по поводу такой безадресной ситуации будет скорее всего эмоциональной (экспрессивной) и даже иррациональной.

С другой стороны, современные риски, как правило, не воспринимаются органами чувств человека, а являются ему в форме знаний, то есть в своем существе связаны с научным производством. Поэтому риск-солидарности не могут возникать иначе, как сциентифицированная профессиональная оценка ситуации и умение ее прогнозировать. Т.е. риск-рефлексия должна иметь рациональный и инструментальный характер.

Итак, общество риска порождает как минимум два типа солидарностей: *реактивные*, идентифицирующие себя с конкретным риском или его угрозой (аварии, катастрофы, решения, влекущие за собой разрушение конкретного участка среды обитания), и *концептуальные*, формирующиеся на основе знания и связанных с ним идеологий.

Исторические предпосылки транснационализации

Распространено мнение, что процессы транснационализации общественной жизни СССР начались в эпоху гласности и падения «железного занавеса». На мой взгляд, это не совсем так, по крайней мере в отношении интересующего нас социального субъекта.

Каузальный подход к возникновению и эволюции транснациональных риск-солидарностей был операционализирован нами посредством понятия *порождающей среды*, представляющей собою совокупность социальных организованностей, снабжающих экологическое движение ресурсами и защищающих его от санкций со стороны государственных институтов. В 70-х годах в СССР такой средой движения были университеты и академические институты; позже, в начале 80-х годов и особенно в условиях перестройки, такими «институтами поддержки» стали комсомол, а также центральная и местная пресса (3).

Во всех названных организациях существовала солидная прослойка людей, которые с начала 70-х годов участвовали в деятельности международных экологических организаций и программ (например, в «Биологической Программе» ЮНЕСКО, которая позже трансформировалась в Программу «Человек и биосфера», в Программе ООН по окружающей среде, Международном фонде охраны дикой природы. Международном союзе ученых и др.). Чаще всего именно участники подобных программ или использовали свои институты для поддержки групп эоактивистов, или же непосредственно становились их лидерами. Так, например, возникшее на волне перестройки Байкальское движение, имело в своем ядре ученых и специалистов из Лимнологического института Бурятского филиала АН СССР.

Официальные общественные организации (типа Советского комитета защиты мира. Союза обществ дружбы, Комитета молодежных организаций), находившиеся под непосредственным патронажем ЦК КПСС и специально ориентированные на развитие международного сотрудничества, также рассматривали экологическую проблематику как наиболее безопасную для развития международных контактов. Достаточно сказать, что одной из первых неформальных экологических организаций, возникших в недрах подобных структур, была «Экология и XXI век», созданная по инициативе С.И. Залыгина.

Взаимодействие этих первичных «порождающих сред» между собою и с международными экологическими организациями постепенно сформировало, так сказать, *порождающую среду второго поколения*, в которой процент активистов, имевших прочные международные связи, а главное — ориентированных на них, был уже гораздо более высоким.

Вместе с тем, важной предпосылкой последующей транснационализации экологического движения был его выход на межрегиональный (межреспубликанский) уровень. К середине 70-х годов студенческое природоохранное движение (дружины), существовавшее к тому времени уже 15 лет, приступило к созданию *надрегиональных* органов координации. В последующие 6-7 лет интенсивно развивались такие ее формы, как тематические междружинные программы («Флора», «Фауна», «Заказники»), междружинные экологические комиссии, центры документации и информации. Быстро формировались также *социальные сети* движения (координационные советы, семинары, выпуск информационно-методичес-

О.Н.ЯНИЦКИЙ

Транснационализация гражданского общества

кой литературы). Эти сети расширялись также за счет контактов и использования ресурсов легальных общественных организаций (Географического, Орнитологического и других обществ). Борьба лидеров движения против контроля со стороны официальных общественных организаций укрепляла солидарность движения как общесоюзного коллективного социального актора с явно выраженным трансрегиональным характером связей. Коллективное «мы» дружинного движения выразилось двумя принципами: «Кроме нас этого никто не сделает» и «У природы везде должны быть свои люди». Иными словами, хотя движение делало массу конкретных дел, стратегически оно развивалось как концептуальное.

С начала 80-х годов на территории страны стали повсеместно возникать гражданские инициативы экологической и историко-культурной направленности. Создаваясь первоначально как охранительные и экспрессивные, эти инициативы очень скоро приобрели характер действий солидарного протеста. Хотя они были типичными «движениями одного пункта» (сберечь рощу перед домом, очистить речку за селом, восстановить разрушенную церковь), но формировались чаще всего в среде социальных институтов с развитой региональной и общенациональной структурой (редакции центральных газет, учебные заведения, научные институты). Так, в 1989 г. при центральной газете «Советская Россия» было создано крупнейшее межрегиональное общественное объединение — «Общественный комитет спасения Волги», положившее начало формированию нового типа сетей и солидарностей, носящих сложный экспрессивно-инструментальный характер. С одной стороны, это были явно выраженные местные инициативы и солидарности, озабоченные разрушением среды своего непосредственного обитания. Но с другой, река Волга (как, впрочем, озеро Байкал, Аральское море и ряд других природных объектов) стали символом *коллективной идентификации международных экологических сил*, выступивших в защиту природных объектов, входящих в список мирового природного и культурного наследия.

Сложившиеся в ходе природоохранной активности формы межрегиональной солидарности оказались достаточно жизнеспособными. Например, так называемый Волжский парламент (собрание экологически ориентированных депутатов всех уровней власти региона) продолжает функционировать, несмотря на повсеместную ликвидацию в 1993 г. института советской власти. То же произошло и с упоминавшимся «Общественным комитетом спасения Волги». Координирующего органа уже давно нет, а местные отделения продолжают существовать. Именно на подобные местные и региональные центры стали первоначально опираться международные организации после развала СССР.

Однако в конце 80-х годов для экологических инициатив и движений сложилась совершенно новая, весьма противоречивая ситуация. С одной стороны, формы региональной солидарности стали размываться, поглощаясь быстро набиравшими силу массовыми кампаниями политического протеста, приведшими в конечном счете в 1988 г. к созданию общесоюзного демократического движения в виде сети народных фронтов. Эти фронты не только втянули в себя значительную часть актива экологического движения, но и сами стали настойчиво создавать ячейки экологической активности на местах. Например, Народный Фронт Эстонии вовлек в свою деятельности практически все экологические организации республики (9). Далее, массовые кампании экологического протеста, как местные, так и общесоюзные (против решений и про-

ектов, чреватых «высокими» рисками), привели в конечном счете к оттоку наиболее сильных политически ориентированных экоактивистов во властные структуры в ходе кампаний по выборам в первый общесоюзный парламент (1989 г.), а позже в местные органы власти.

С другой стороны, в 1989 г. впервые была легально создана мощная общенациональная неправительственная организация — Социально-экологический Союз (СоЭС), которая очень скоро превратилась в международную. Легализации международной деятельности других экологических организаций способствовала общая либерализация политического режима, а также подписание лидерами СССР, а потом Президентом РФ ряда международных соглашений, в частности по ликвидации химического оружия.

Вместе с тем, именно либерализация режима и расширение структуры политических возможностей зеленых положили начало их политической и социокультурной дифференциации. Как выяснилось позже, ряд зеленых организаций Эстонии, как, например Общество охраны памятников старины, были лишь прикрытием националистических организаций, ставившей своей целью обретение национальной независимости. Да и создание самого Народного фронта Эстонии было легальным шагом в том же направлении. На Украине мощный всплеск зеленого движения был стимулирован Чернобыльской катастрофой, хотя и там, особенно в ее западной части, украинские зеленые тесно сотрудничали с Рухом, массовым движением, выступавшим за отделение Украины от России. В России националистически настроенные зеленые были наиболее слабы, к тому же им противостоял интернационально ориентированный СоЭС.

Итак, в результате демократической волны, драматических событий лета-осени 1991 г. и последовавших за ними развала СССР, в России, на Украине и в Эстонии произошло еще более глубокое разделение зеленых на природоохранников и политиков. Вместе с тем, контекст движений также стал дифференцироваться на «свой», национальный и «чужой», советский, имперский. В Эстонии и на Украине зеленое движение стало элементом так называемой культуры сопротивления. Наконец, от зеленого движения отделились общества и организации, связанные с гуманитарной и иной помощью пострадавшим от чернобыльской катастрофы.

Вестернизация как продвижение Запада на Восток

С конца 80-х годов, но особенно после развала СССР, Запад в отношении экологических организаций на территории бывшего СССР ведет целенаправленную политику *вестернизации*, понимаемую здесь как комплекс мер по перестройке экоНПО и экологических движений по западным стандартам. Эта политика включает перенос на почву новых независимых государств приоритетов, организационных форм, социальных технологий и тактик социального действия.

В принципе эта политика давно известна, и не представляет собой ничего принципиально нового. Все обычно начинается с благотворительной помощи, за ней следует помощь техническая (передача компьютеров и иной оргтехники), потом — финансовая и социальная поддержка экоНПО с целью укрепления их «независимости», затем продвижение в страну армии консультантов и экспертов,

О.Н.ЯНИЦКИЙ
Транснационализация гражданского общества

и наконец, «переселение» в страну сети филиалов международных фондов и организаций.

Сегодня, по прошествии десяти лет практики вестернизации полезно эксплицитировать ее некоторые принципы. **Во-первых**, это было многостороннее и многоуровневое вторжение: помощь зеленым оказывали надгосударственные образования и союзы (специальные программы помощи «новым независимым государствам» со стороны Европейского союза, НАТО и др.); государственные институции (типа Агентства по международному развитию США или посольства Королевства Нидерландов с его программой «малых грантов»); неправительственные организации (скажем, бывший Институт советско-американских отношений, Мильеконтакт-Оост Европа в Нидерландах); межрегиональные квази-общественные организации (наиболее известной из них является Региональный экологический центр в Будапеште, первоначально обслуживавший страны Центральной Европы, а затем распространивший свое влияние и на Восточную Европу); инициативы отдельных государств (Лондонская инициатива) и, наконец, многочисленные общественные и частные фонды (Фонд Эберта, Сороса, Форда, Карнеги фонд). Самостоятельно действовали также двусторонние соглашения как между международными природозащитными организациями и экоНПО в названных трех странах, так и соглашения между регионами (землями, республиками), включающие экологическую составляющую.

Во-вторых, зарубежные фонды и организации действовали по принципу «коврового покрытия» — вся территория бывшего СССР накрывалась сетью западной помощи и сотрудничества, причем в критически важных, с точки зрения западных экспертов, точках и регионах мы наблюдаем многостороннее перекрытие сетей иностранной помощи. Скажем, в бассейне реки Волги, известном своей сверхиндустриализированностью и соответственно высокой загрязненностью, мы обнаружили более десятка крупных зарубежных организаций, так или иначе вовлеченных в проэкологическую деятельность.

В-третьих, вся подобная помощь оказывалась в соответствии с принципом «возвратности». Это прежде всего означало обеспечение западными донорами заработной платой и рабочими местами своих специалистов (в качестве советников, консультантов, менеджеров), которые не могли быть обеспечены работой дома, т.е. в стране-доноре. Если учесть к тому же расходы на закупки оборудования, обустройство офисов, командировки экспертов и т.п., то, по нашим подсчетам, не менее 80% оказываемой финансовой помощи возвращалось в страну-донор или соответствующий фонд.

Однако «возвратность» включала в себя не только, говоря бухгалтерским языком, восстановление затраченных сумм. Она включала также «трейнинг», т.е. накопление зарубежными консультантами и советниками опыта и знаний о стране пребывания. Большинство менеджеров и консультантов, направляемых в постсоветские страны, были по базовому образованию славистами (русистами, как они себя сами называли). И только в отдельных случаях имели второе, биологическое образование. Они долгое время плохо ориентировались в российской или иной действительности, но через несколько лет увозили с собой конкретное знание о некотором секторе действительности, который потом можно было сложить с другими такими же фрагментами и получить весьма экономически и политически ценный взгляд на страну изнутри. Наконец, по России, например,

месяцами колесили «путешественники», собирая по крупицам информацию, что называется, из первых рук (10).

В-четвертых, сбор информации был вообще одной из ключевых задач. Собиралось два основных вида информации: экологическая (о регионах и их загрязнении) и социальная (о составе, структуре и деятельности государственных и общественных экологических организаций). «Сначала мы выбираем нужный нам регион, а затем — организацию, через которую можем в нем действовать. Главными критериями выбора конкретного объекта для изучения являются его наивысшая опасность и доступность для наблюдения», — такова по словам одного из западных менеджеров, стратегия внедрения в местную среду.

В обмен на финансовую поддержку (по гранту) экоНПО западные доноры получали растущий пакет идей, причем их число гораздо больше, чем число грантополучателей, поскольку идеи и ноу-хау извлекались из всех заявок, поданных в ту или иную западную организацию на конкурс. Как отмечали мои российские и украинские респонденты, западные доноры буквально охотятся за идеями из стран СНГ, включая даже те, которые продуцировались в ходе детского научно-технического творчества.

В-пятых, это принцип стандартизации, т.е. продвижение на Восток стандартов экологического исследования, социального действия, мониторинга окружающей среды и т.д. Придя на постсоветское пространство, западные эколога увидели, что, с одной стороны, советские стандарты охраны природы во многих отношениях жестче, чем американские и даже европейские, а, с другой, поняли, что продвижение на Восток невозможно без транснациональной стандартизации норм и правил экологического действия, будь то государственная организация или экоНПО. Поэтому, чтобы оценивать степень риска от уже накопленных и будущих загрязнений, в том числе для будущих своих инвесторов в российскую экономику, необходимы были унифицированные (и гораздо более детальные) нормы и правила экологического действия.

Для чего, **в-шестых**, нужна была *преемственность*, то есть обучение «туземного» персонала этим стандартам и ноу-хау. Так как прямое воздействие на государственные структуры природопользования не представлялось возможным, был избран путь инфильтрации через неправительственные организации.

Западным идеологам восточной политики эти организации представлялись наиболее эффективным каналом вестернизации по многим причинам. Как уже отмечалось, они были уже если не открыты, то подготовлены к такому воздействию своей прошлой историей. Инвестируя средства в неправительственные экологические организации, западные доноры рассчитывали на получение быстрого прикладного результата. Далее, западным экспертам представлялось заманчивым «открыть» государственную экологическую статистику руками российских и других зеленых. Вместе с тем, помогая им, Запад рассматривал этих зеленых как инструмент для оказания давления на федеральные и региональные органы власти в конкретных странах. Наконец, как отмечали мои иностранные респонденты, в этой сфере можно было ориентироваться на уже известных, зарекомендовавших себя лидеров экологического движения и, тем самым, избежать исчезновения вложенных средств, как это часто уже случалось на постсоветском пространстве. Что же получилось в результате?

Общие тенденции транснационализации

Прежде всего, вследствие названных трансформаций, а также общего снижения интереса к экологическим проблемам во всех трех странах, у экоНПО произошла еще одна — третья — смена порождающей среды. Источником необходимых им ресурсов и моральной поддержки стала теперь не «страна пребывания», а зарубежные, в том числе международные доноры и организации. «Эстонская экологическая политика, — как заявил наш таллинский респондент, — делается не в Эстонии, а в Финляндии и Швеции, все ресурсы идут оттуда».

Если для Эстонии названные страны являются родственными в историко-культурном отношении (11), то для России и Украины, может быть только за исключением ее западной части, такая смена фактически означала выпадение из привычной социально-культурной среды, утерю российских (украинских) корней. Но, так или иначе, экоНПО во всех трех странах попадали в зависимость от западных доноров.

Говорят, что деньги не пахнут. В данном случае это не так, потому что «обусловленная» (см. выше) западная финансовая помощь за несколько лет глубоко изменила всю структуру деятельности этих ячеек гражданского общества.

Прежде всего, эти ячейки утратили былую самостоятельность — сегодня все они в той или иной степени зависят от приоритетов, определяемых западными донорами. В одних случаях это следование региональным приоритетам, как, например, вовлечение многих эстонских экоНПО в региональные европейские организации, озабоченные загрязнением Балтийского моря (The Clean Baltic Coalition). В других — это фактическое сращивание экоНПО рассматриваемых постсоветских стран с транснациональными сетевыми структурами типа «Сети спасения тайги» (The Taiga Rescue Network). В третьих — вхождение национальных экоНПО под «зонтик» всеевропейских экологических организаций, таких как Европейский экофорум (The European ECO Forum) или Среда для Европы (The Environment for Europe Process). Наконец, в ряде случаев мы обнаружили фактическое *сращивание* национальных экоНПО с филиалами донорских организаций на местах (систематический обмен информацией и персоналом, общие экспертные советы по присуждению грантов, совместные периодические издания и редакционные советы). Следующий этап, по мнению западных экспертов, это — создание «коалиций», т.е. неформальных донорских и национальных экологических организаций.

За прошедшее десятилетие произошла *рационализация* гражданского экологического действия: значительная часть национальных экологических движений была конвертирована в сеть экоНПО, действующих по западным стандартам.

Дистанцирование от национального политического контекста, зависимость от западной помощи, систематическая работа по грантам и, следовательно, обретение относительного материального благополучия по сравнению с остальной массой населения — все это привело к *политической демобилизации* экоактивистов и зеленого движения в целом. Деятельность рассматриваемых ячеек во всех трех странах профессионализировалась и, следовательно, все более отдалялась от «улицы», массы. Конечно, между Россией и Украиной, с одной стороны, и маленькой Эстонией, с другой, есть существенные различия, но даже в последней многие наши респонденты говорили, что они хотят заниматься своей профессиональной работой, а не политикой.

Во всех трех странах возникла прослойка «грант-мейкеров». Возможно, что такая форма работы ближе к индивидуалистическому менталитету эстонцев, нежели россиян или украинцев. К тому же, в быстром формировании этой прослойки повинна и внутривластная ситуация, особенно в России и на Украине: она все сильнее отторгала экологов от участия в принятии политических решений, фактически выталкивая этих людей в объятия иностранных доноров. Тем не менее, некоторые негативные последствия очевидны.

Перенимая образ мыслей и действий своих западных партнеров, «грант-мейкеры» все менее были склонны участвовать в работах, связанных с такими острыми — политически рискованными и лично опасными — сюжетами, как радиационная и химическая безопасность, последствия генной инженерии и т.п. «Грант-мейкерство» оказывает разрушительное влияние на развитие фундаментальных наук. Западные доноры задают такой формат научного заказа, который неизбежно понижает научный потенциал исполнителя. В результате, одна часть ученых просто «родит» из данной системы организации науки, а другая — превращается в экологов, что влечет за собой утерю их профессионального потенциала. В частности, как заметил наш украинский респондент, «западные фонды интересуются прикладной, описательной, а не аналитической экосоциологией».

Общие и специфические особенности движения Восток-Запад

Как мы уже говорили, для большинства советских зеленых вестернизация была естественной. Более того, как отмечают современные историки природоохранного движения в царской России (12; 13), его создатели и лидеры — А.П. Семенов-Тянь-Шанский, И.П. Бородин, Г.А. Кожевников, В.И. Талиев, Ф.Э. Фальц-Фейн и многие другие — опирались на идеи и концепции западных ученых — Г. Конвенца (H.Conwentz), П. Саразина (P.Sarasin). Более того, как утверждает один из наиболее авторитетных историков в данной области В. Борейко, основатели российского природоохранного дела не выдвинули сколько-нибудь значительных собственных идей.

Однако, если на рубеже XIX и XX веков обмен научными идеями и концепциями между Россией и Европой был весьма интенсивным, то через столетие ситуация оказалась совершенно иной. Лидеры студенческого природоохранного движения, а именно оно было основным ядром экологического движения в момент распада СССР, к «падению железного занавеса» и возможностям массовых международных контактов оказались неготовыми.

Это было естественно, так как выжить в условиях советского режима это движение могло только как «практическое», содействующее государственному делу охраны природы. Лозунги студенческого (дружинного) движения типа «У природы везде должны быть свои люди» годились для внутреннего употребления, но не для международного сотрудничества. Нужна была *негосударственная политика международного сотрудничества* в деле охраны природы, но она не могла возникнуть обособленно от общенациональной политики. К сожалению, плачевные результаты горбачевской политики строительства «общеевропейского дома» или «общечеловеческих ценностей» сегодня хорошо известны. Что же касается воздействия внутренней политики новых независимых государств на их внешнюю

О.Н.ЯНИЦКИЙ
Транснационализация гражданского общества

политику, то после серии широковещательных предвыборных обещаний государственных деятелей сделать экологию приоритетным направлением международной политики вновь возникших стран, повсеместно произошел откат назад. Приоритетной, хотя и в разной форме, стала идея национальной независимости, укрепления национальной безопасности.

Нельзя не учитывать и идиосинкразии и просто боязни лидеров-биологов трансНПО в отношении любой политической деятельности. И в России, и в Эстонии лидеры экологических групп говорили примерно одно и то же: «Мы — практики, исследователи, разработчики, профессионалы своего дела, но не политики».

С другой стороны, стремление постсоветских активистов крепить контакты с западными и международными организациями было обусловлено возможностью получения достоверной информации. Скрывая масштаб Чернобыльской катастрофы, советские лидеры сами подталкивали зеленое движение, особенно на Украине, к контактам с их западными коллегами.

И все же ключевым моментом, «разводящим» линии транснационализации рассматриваемых ячеек гражданского общества, являются характер макросоциального контекста и вектор его развития.

В фундаментальном исследовании динамики постсоветской Эстонии, его авторы приходят к выводу, что, несмотря на все трудности «переходного» периода, эстонское общество в целом начало двигаться по пути европейской модернизации. Более того, эти авторы, опираясь на известную мысль С. Хантингтона о том, что в ходе дальнейшей модернизации люди и страны с подобными культурами сближаются, а с различными — расходятся, полагают, что эстонское общество «возвращается на Запад» (11). Вот типичные высказывания моих эстонских респондентов: «Да, мы понимаем, что мы — провинция Европы, что находимся в зависимости от более сильных стран балтийского региона. Но это все же лучше, чем быть частью СССР»; «Наш капитализм — жестокий, но все же методы и последствия его несравнимы с тем, что делала советская власть. Чтобы армия уничтожила сотни гектаров леса, превращая их в свои полигоны, — этого больше не будет»; «Русские не все в депрессии. Те, кто родились здесь, считают Эстонию своей родиной, что сегодня они уже живут на Западе. Конечно, это не тот Запад, о котором они мечтали. Что же касается молодых эстонцев, в особенности студентов, то «быть эстонцем» сегодня уже не ценность. Главная ценность — карьера, с продолжением работы в Европе, то есть вестернизация». В частности, как показал наш опрос, работа молодых специалистов в трансНПО есть важная квалификационная ступень на пути их продвижения в Брюссель и другие центры Европейского Союза. Что же касается Партии Зеленых Эстонии, то она пока еще слаба, в парламенте не представлена и выживает во многом благодаря поддержке Совета зеленых партий Европы.

В России и на Украине ситуация иная. Обе страны находятся в глубоком кризисе, фактически — в фазе демодернизации, сопровождающейся глубоким институциональным кризисом. Если отбросить политическую риторику, никакого сущностного сближения с Западом нет. Как полагает украинский социолог Е. Головаха, «мы находимся в классической ситуации аномии. Старые институты разрушены, новых еще нет. Возникающие без институциональной поддержки, организации гражданского общества становятся корпо-

рациями, т.е. создают совою собственную систему норм и правил». Как показало исследование, российские и украинские эконоНПО, в том числе транснациональные, двигаются именно в данном направлении.

Мобилизация ресурсов экологическими группами и движениями внутри этих двух стран становится практически невозможной, поскольку экономический и политический контекст в отношении к этим структурам гражданского общества стал откровенно враждебным. Десятилетие реформ в этих странах, сопровождавшееся интенсивным ухудшением состояния жизненной среды подавляющего большинства населения, расхищение природных ресурсов и политическая маргинализация создала для зеленых этих стран настоящую ситуацию выталкивания или «бегства». Стремление госорганов к контролю над ресурсными потоками, направляемыми западными донорами в адрес российских и украинских эконоНПО, — другая сторона той же медали. Эти настроения усиливались общим негативным социально-психологическим фоном «заброшенности», ненужности масс граждан, особенно если это были жертвы чернобыльской или других локальных катастроф.

Поэтому, несмотря на растущее число и масштаб техногенных и социогенных рисков, большинство рассматриваемых экологических организаций Украины и России избегает этой проблематики, предпочитая заниматься природоохранными делами и экологическим просвещением молодого поколения.

Проблема здесь не в том, что какая-то часть гражданского общества живет на западные деньги (так сегодня живут многие), а в том, что высокообразованная и хорошо структурированная часть гражданского общества начинает замыкаться в себе и, в конечном счете, уходит из национальной социокультурной среды, что представляет собой современную форму «отрицательной селекции» (П. Сорокин). В России уже есть несколько трансНПО, которые не разрабатывают никаких национальных программ, а выполняют лишь посреднические функции между западными донорами и государственными структурами охраны среды.

Экономический кризис августа 1998 г., как показал проведенный нами телефонный опрос, проявил глубокое различие между западно-ориентированными и местными экологическими организациями. Первые были лишь озабочены нарушением сложившейся системы их финансовой поддержки с Запада, принимали отчаянные попытки изыскания новых доноров в Европе и США, диверсификации потоков финансовых ресурсов, сокращали свои программы и персонал и т.п., тогда как вторые, по мнению их лидеров, как занимались, так и будут заниматься текущими природоохранными проблемами «во что бы то ни стало» (14).

Таким образом, формирование на территории России и Украины инфраструктур международных экологических организаций не только означало ресурсную зависимость и глубокую трансформацию структуры экологических организаций, но и привело к изменению типа солидарности. Солидарность, основанная на чувствах гражданского долга и ответственности, постепенно была вытеснена «солидарностью» с западными грантодателями, то есть отношениями «патрон-клиент».

Нельзя сказать, что данная ситуация не осмысливается зелеными России и других постсоветских стран. Их рефлексию кратко можно свести к следующему: мы лучше знаем свою ситуацию, поэтому в профессиональном плане западные

О.Н.ЯНИЦКИЙ
Транснационализация гражданского общества

советники нам не нужны, а высокомерие и нажим с их стороны будут иметь резко негативную политическую реакцию; в ситуации наших стран выдвижение только экологических требований, при игнорировании социально-экономических, приведет к окончательной маргинализации зеленых; методы, эффективные на Западе, например, массовые кампании по мобилизации потребителей, на данном социальном пространстве не работают; поэтому нашим коллегам из национальных и международных эконоНПО следует изменить свою стратегию в отношении наших стран и постараться убедить в этом свои правительства. Однако, судя по последним данным (15), существенных перемен не произошло.

Заключение и дискуссия

Транснационализация эконоНПО, даже в условиях критически изменяющегося социального и иного контекста, неизбежна. Подобная транснационализация — не только ответ на трансграничный характер биосферных процессов, но и на новый миропорядок с его глобализацией потоков сырья, товаров, людей и информации. Включение национальных эконоНПО в международные экологические организации и сети необходимы и с точки зрения борьбы против рисков и опасностей, порождаемых процессам перехода модернизации в новую фазу.

Вместе с тем, транснационализация данного сектора гражданского общества есть инструмент его собственной политики, обращенной как во вне, т.е. по отношению к национальным государствам и надгосударственным структурам и союзам, так и во внутрь — как способ выживания и самосохранения экологического сообщества в критических условиях демодернизации, разрушения сложившихся институциональных структур и резкого снижения общественного интереса к экологическим проблемам.

Транснационализация экологических организаций на территории бывшего СССР есть один из элементов восточной политики США и Европейского Союза. Запад наращивает свои усилия по модернизации экологической политики в странах Центральной и восточной Европы по двум векторам: с Запада на Восток и от центра к периферии. Именно западные миссионеры устанавливают правила игры и стандарты в отношении анализируемого нами процесса. В этом смысле его межстрановые различия не являются существенными.

Другое дело, что экономическая и политическая ситуация в странах-реципиентах, и, в особенности, различия социокультурного контекста в России и на Украине, с одной стороны, и в Эстонии — с другой, сильно разнятся. Поэтому если «возвращение на Запад» есть главный мотивирующий фактор деятельности эстонских экологов, то этого нельзя сказать об их российских и украинских коллегах, для которых западная помощь является единственным сегодня средством сохранения их организаций. Кризис августа 1998 г. лишь обнажил эту зависимость, но не привел к попыткам ее пересмотра.

В условиях политической маргинализации зеленых и общей враждебности контекста к любым серьезным проэкологическим изменениям экологические движения в постсоветских странах неуклонно трансформируются в сеть профессиональных эконоНПО. Чем более национальный контекст враждебен к ним, а европейский или глобальный — привлекателен, тем интенсивнее эти организации выходят за рамки национальных границ (двойной эффект «выталкивания-втяги-

вания»). Это еще более снижает протестный потенциал экологических организаций, которые в конечном счете превращаются в специфический элемент «третьего сектора» экономики. Фактически, лояльность к власти и зарубежным донорам обменивается на ресурсы.

В социальном плане страновые различия также не следует преувеличивать. На всем (восточно-европейском) бывшем советском пространстве вот уже в который раз идет процесс «отрицательной селекции», когда наиболее профессионально подготовленные и социально активные граждане «уходят» в международные, в том числе европейские, организации. Тем самым, говоря более широко, основное противоречие постсоветского общества — система против среды — воспроизводится теперь уже на международном уровне.

В заключение зададимся вопросом, насколько были естественны и устойчивы эти транснациональные солидарности.

С точки зрения Запада, они были абсолютно естественны. Обеспокоенность рисками, исходящими от всего постсоветского пространства после распада СССР, особенно из Украины и России, постоянно возрастала. Поэтому экологические организации западных стран, равно как и международные, стремились расширить сферу своего влияния на Востоке, использовать «человеческий капитал» российских экогрупп и одновременно дать работу своим молодым специалистам, невостребованным на Западе. Кратко говоря, международные экоорганизации настойчиво стремились соединить имеющиеся у них финансовые ресурсы и ноу-хау с организационным и человеческим капиталом зеленых на всем постсоветском пространстве.

Эти солидарности были естественны и для экоНПО рассматриваемых стран. Вхождение их некоторых лидеров во властные структуры не дало ожидаемого результата, так как для экологической модернизации страны необходима сначала модернизация ее властных структур, экономическая стабильность, смена приоритетов. Российское и украинское государства не оказали своим зеленым поддержки. Напротив, они хотели бы видеть в них только исполнителей своей воли. Бизнес экологией не интересуется, а население в своей массе озабочено проблемами выживания.

Устойчивость транснациональных экологических солидарностей в обозримом будущем также не вызывает сомнений. Общие цели и повседневная вовлеченность в общие дела, систематическая межперсональная и межорганизационная коммуникация, сходный (рациональный) характер мотивации и дистанцированность от своих национальных политических проблем — все это создает высокий уровень взаимопонимания и доверия внутри транснациональных экологических организаций. Кроме того, длительная работа в качестве пользователей международных сетей и членов общих организаций формирует достаточно унифицированную субкультуру интернационального экосообщества. Вместе с тем, национальные организации весьма привлекательны для этого сообщества своей устойчивостью и персонифицированной ответственностью. А для эоактивистов из рассматриваемых стран «вестернизация» их деятельности, как ни парадоксально, есть способ восстановления былой органичности их личностных устремлений, так как переход на транснациональный уровень во многом снимает противоречие между личными и групповыми интересами — с одной стороны, и гражданским долгом — с другой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Beck U. Risk Society. Towards a New Modernity. L., 1992.
2. Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, 1992.
3. Яницкий О.Н. Экологическое движение в России. Критический анализ. М., 1996.
4. Яницкий О.Н. Социология и рискология // Россия: риски и опасности «переходного» общества / Под ред. О.Н.Яницкого. М., 1998.
5. Zald M.N. and McCarthy J.D. Social Movements in an Organizational Society. New Brunswick; NJ, 1987.
6. Rucht D. The Impact of National Context on Social Movement Structures; A Cross-Movement and Cross-National Comparison // Opportunities, Mobilizing Structures, and Framing: Comparative Applications of Contemporary Movement Theory / Ed. by McAdam D., McCarthy J.D., and Zald M. Cambridge, 1995.
7. Яницкий О.Н. Экологическое движение в «переходном» обществе: проблемы теории// Социологические исследования. 1998. N10.
8. Snow D.A., Benford R.D. Master Frames and Cycles of Protest // Frontiers in Social Movement Theory / Ed. by Morris A. and Muellem C. New Haven; L., 1992.
9. Оттенсон О. Народный конгресс. Сборник материалов конгресса Народного Фронта 1-2 октября 1989 г. Таллинн, 1989.
10. Soler-Sala Pol. Letters to ECOLOGIA: Fourteen Months as an Ecological Traveler During the Collapse of the Soviet Union. Harford, 1992.
11. Lauristin M., Vihalemm P., Return to the Western World. Cultural and Political Perspectives on the Estonian Post-Communist Transition. Tartu, 1997.
12. Борейко В.Е. Популярный биографо-библиографический словарь-справочник деятелей заповедного дела и охраны природы Украины, царской России и СССР (1860-1960). Том 1. Киев, 1995.
13. Weiner D.R. Models of Nature. Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia. Bloomington; Indianapolis, 1988.
14. Яницкий О.Н. Осень '98: вопросы к минувшему августу // Деньги и благотворительность. 1998. № 5.
15. Newsletter on NGO Involvement in Environmental Policy Making in Central and Eastern Europe and the NIS / Ed. by Van der Weij, Ewout. 1998. N 5.